

Пообедав, мы решили прогуляться по торговому центру, чтобы немного растряситься. Поскольку был выходной, народу собралось куда больше, чем обычно, да и шум стоял невообразимый. Мы даже несколько раз наткнулись на однокурсников, которые тоже пришли сюда перекусить.

Сунь Чэн собирался кое-что прикупить, и они решили, что как раз дойдут отсюда до супермаркета.

— Эй, это не наш староста там листовки раздает? — у эскалатора вечно околачивались люди с рекламками. Чэн Цянь сам когда-то подрабатывал таким образом — в таких проходных местах раздавать их было проще всего.

— Староста, подрабатываешь? Давай сюда пару штук, поможем, — когда мы дошли до конца эскалатора, Сунь Чэн с ухмылкой вытянул руку, принимая пачку листовок, и тут же рассовал их нам. Староста, надо отдать ему должное, старался вовсю, он с готовностью всучил нам целую охапку. Ке У, приняв свою порцию, только цокнул языком:

— Слушай, ну сказал бы сразу, что тебе помочь надо, чего прятаться-то?

Староста расплылся в такой широкой улыбке, что, казалось, вот-вот порвет рот до ушей. Еще бы, одним махом заполучил троих помощников, да еще и сам к нам пристроился, продолжая раздавать.

Делать все равно было нечего, так что мы вчетвером довольно быстро раздали остатки. Получив честно заработанные деньги, староста решил, что должен проставиться временным работникам. Он обнял двоих парней за плечи и объявил, что ведет всех на ужин. Сунь Чэн покосился на него:

— Да ладно тебе, ты на свою зарплату еще и доплачивать будешь, если поведешь нас куда попало.

— С чего бы? Изначально мне платили сто пятьдесят, но я припугнул брата, что расскажу кое-что, и выбил пятьсот. А потом сказал невестке, что брат заставляет меня листовки на улице раздавать, так она мне еще сверху накинула. Умора, я озолотился! Так что, ребята, спасибо за помощь, поедим сегодня как короли.

Ну вот, а мы-то еще переживали за него. Да он о себе сам позаботится лучше любого другого.

Староста довольно качал головой, пытаясь изобразить из себя нувориша. И пусть на нем была футболка за тридцать девять юаней с бесплатной доставкой, это не мешало ему чувствовать себя богачом. Он выбрал дорогой ресторан с вычурным дизайном фасада и, уговорами и лестью, затащил нас внутрь.

Ходили слухи, что родители старосты придерживались стратегии воспитания в строгости: установили лимит на ежемесячные расходы, так что парню приходилось балансировать между люксовой жизнью и пролетарской экономией. Хотя он частенько выклянчивал деньги у старшего брата с невесткой, в вопросах шопинга он стал настоящим профи: выискивал товары по акциям, суммировал скидки и покупал кучу вещей. Он называл это выгодным приобретением: в университете можно похвастаться, а дома перед родителями — пожаловаться на бедность. Соотношение цены и качества — просто космос.

Та самая футболка, в которой он был сейчас, как раз была тем самым прошлонедельным трофеем: дешево, сердито и удобно.

Обстановка в ресторане была шикарной. М-да, сразу видно — дорого.

Приглушенный, интимный свет, подсвечники на столах, тонкий аромат благовоний, фоном звучит плавная соната для скрипки, а цветы в вазах — свежие и нежные...

Официант в строгом костюме проводил нас к маленькому круглому столику. Мы сгруппировались вокруг, уткнувшись в меню. Глаза бегали по строчкам, но через некоторое время мы замолчали и, чувствуя себя не в своей тарелке, попросили официанта что-нибудь порекомендовать.

Меню на французском, мы вчетвером сидим, пытаемся что-то выбрать под скрипичные переливы... Что делать?

Когда официант принял заказ, мы отложили меню. Ке У взял его, чтобы убрать в сторону, и по нелепой случайности, стоило ему чуть сильнее сжать края, как меню предательски раскрылось, разделившись на две части.

Мы посмотрели на нижнюю часть — там было меню на китайском. Стало еще тише.

Меню закинули в самый дальний угол стола, и мы принялись потягивать воду с лимоном, перебрасываясь ничего не значащими фразами.

Официант принес хлеб с маслом и закуску — дыню с хамоном.

Видимо, это тот случай, когда не по Сеньке шапка: хлеба дали много, чтобы хоть как-то набить желудок, а вот основного блюда — всего на пару укусов. Хамон с дыней подали как салат в бокале на высокой ножке, каждому по порции. Староста проворчал: понты стоят дорого, съели всё за пару секунд и сидим, покорно ждем продолжения.

Мы пришли рано, так что сначала в зале было тихо, почти никого. Сунь Чэн еще подшучивал, что мало кто любит такую еду без нормального гарнира. Но ближе к вечеру зал начал заполняться, стало шумнее. И все же, под аккомпанемент скрипки, здесь было гораздо

спокойнее, чем снаружи, поэтому разговоры за соседними столиками были слышны отчетливо.

Один из посетителей бегло говорил по-французски, перемежая речь китайскими фразами, официант отвечал ему, а его спутник изредка вставлял пару слов.

— Не может быть, неужели кто-то реально понимает меню на французском? — прошептал староста.

Мы невольно притихли, прислушиваясь к тому, как те заказывают блюда. Сунь Чэн закрыл глаза и покачал головой, исполненный скорби:

— Ну вот, теперь мы все чувствуем себя неполноценными.

Чэнь Цянь промолчал. Голос того человека, который изредка вступал в разговор, показался ему до боли знакомым. Уж очень он напоминал голос его брата, Чэнь Тяня. Неужели он так быстро променял народные массы на жизнь мелкой буржуазии?

Он уже потянулся за телефоном, чтобы проверить, не Чэнь Тянь ли это сидит за соседним столом, как вдруг чья-то рука легла ему на плечо:

— О, Сяо Цянь, выбрался погулять?

Ну вот, проверять больше не нужно.

<http://bllate.org/book/21366/2176006>